



РН
3202
А35
А19
1900

ЭНДРЕ АДИ
1877–1919



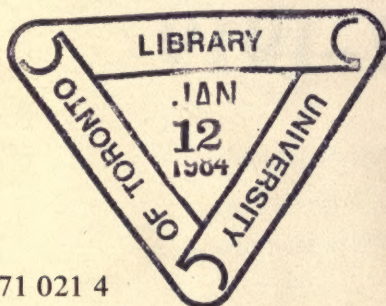
Presented to the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO
by
Orszagos
Szechenyi Konyvtar

Endre Adl
ЭНДРЕ АДИ
1877–1919

Вступление написал и стихотворения подобрал:

научный сотрудник Литературного музея им. Петефи д-р Ференц Керени

Вступление перевёл: Енковский, Павел



PH
3202
A35 A19
1900-

ISBN 963 571 021 4

hearota-1343/77, Budapest

ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ БУДАПЕШТ

Ответственный редактор: Иштван Томаш

Ответственный за издание: Тибор Вашко

Издано Венгерским союзом эсперанто по поручению Института культурных связей

ЭНДРЕ АДИ

(22 ноября 1877 — 27 января 1919 г.)

Летом 1867 года был коронован на венгерский престол австрийский император франц Иосиф I Габсбургский. Пышным церемониалом закончился долгий исторический период и наступил компромисс, в венгерской истории так называемое «соглашательство». После этого в рамках личного союза австрийские капиталистические круги и венгерское помещичье сословие договорились о едином господстве в области права, политики и экономики. Венгрия, восточная провинция, постоянно гтаящая угрозу, из слабого звена габсбургской империи превратилась в средне-восточной Европе в мощное государство, Австро-Венгерскую монархию, которая до своего распада в 1918 году играла существенную роль в международной политике. С 1867 года более быстрыми темпами стали развиваться капиталистические отношения, развитие которых ранее сдерживалось подавлением венгерской гражданской революции и национально-освободительным движением 1849 г.

Тяжелое и весомое наследство средних веков, которое не удалось ликвидировать в 1848—49 г., сохраняется и защищается венгерским сословием, входящим в бастион власти. Система латифундий, эксплуатирующая крестьянскую собственность и ограничивающая более прогрессивные формы использования земли, препятствовала свободному развитию аграрной страны. По другую сторону общественной баррикады спланивались неимущие, безземельные крестьяне; только часть этой массы могла найти временную работу на промышленных предприятиях городов. Большинство из них стремились летним заработком обеспечить пропитание на целый год, в мечтах крестьян далёкая Америка была сказочной страной. Многие тысячи отправились в дальний путь, навсегда простившись с родиной. Но в конце XIX века их стихийным выездам уже препятствовали штыки и заряженные ружья. Истинную картину тогдашней венгерской действительности дополняли мелкие дворяне, не способные обработать свои небольшие имения, а также малочисленная, не обладающая достаточным капиталом буржуазия, находящаяся на низком уровне сознания. На передний план всё больше выступает всё более многочисленный, более сознательный и крепнущий рабочий класс.

Режим «соглашательства» мог бы праздновать своё десятилетие, когда 22 ноября 1877 года на восточной окраине венгерского алфёльда, в деревушке Эрминдсент родился тот поэт, который стал самым значительным венгерским лириком XX века, который все-

сторонне изображает в своих произведениях историческую действительность, предвидев и подготовив революцию 1918—1919 годов, разрешившую общественные противоречия. Эндре Ади происходил из старинной дворянской семьи. Взглянув на фотографию, изображающую его родные места, мы видим маленький домик, крытый камышом, состоящий из двух комнат с глиняными полами, кухни и каморки (фото 1). Отец поэта мог только мечтать о том, чтобы построить рядом со старым домиком просторный дом с тремя комнатами, с двумя верандами. Имение Ади размером с большое крестьянское хозяйство приносило очень скромные доходы, едва хватающие для учёбы. В конце XIX века в Венгрии входным билетом в круг вольномыслящих был диплом адвоката. По желанию родителей молодой Ади тоже стал изучать право, но скоро «чёрт со стальным остриём», то есть перо журналиста, стало сильнее слова адвоката. «Теперь я уже мужчина, я умею и могу мыслить. Я полностью посвящаю свою жизнь литературе», — писал 21-летний молодой человек своей матери, осознав своё призвание. В период с 1898 по 1899 годы Эндре Ади работает в качестве журналиста в Дебрецене, а с 1900 по 1903 годы в Надьвароде (фото 2). Смелый публицист, обладающий острой наблюдательностью, попадает в центр внимания местной общественности. Он проходит путь от журналиста, описывающего незначительные события, корректора, театрального обозревателя до автора политических передовых статей. В 1903 году молодой журналист был привлечён к суду за свою публицистическую деятельность за критику местных властей и был приговорён к 3-х-дневному заключению.

Первые сборники стихотворений Ади появились в 1899 и в 1903 годах. Первый сборник был адресован матери поэта, как компенсация за отвергнутый диплом юриста. Скромное название сборника «Стихотворения», неизвестно, сознательно или случайно, является таким же, как у первого сборника произведений лучшего венгерского революционного поэта XIX века Шандора Петефи. Несмотря на то, что в этих сборниках было несколько стихотворений, свидетельствующих о таланте и мастерстве зрелого автора, тем не менее они явились только пробой сил и поисками своего пути в поэзии. Надьварод для Ади был «Парижем на берегу Кереша»: его образованная, хотя и немногочисленная буржуазия представляла общество с радикальными взглядами и с радостью принимала новые направления в литературе и искусстве. В городе было сильно развито и социал-демократическое движение. Надьварод с любовью принял и Эндре Ади, который нашёл в этом кругу не только единомышленников и друзей, но и встретился со своей перовой и настоящей любовью, Аделью Диоши

Эденье Брюль, которую он в своих стихотворениях называет Леда. По поручению читателей будапештских газет Эндре Ади, с помощью Эденье, в начале февраля 1904 года впервые едет в Париж, традиционную Мекку венгерских литераторов, где до 1911 года он побывал ещё 6 раз. «Брожу по твоим улицам гудный, святой и большой город». . . — так записал молодой поэт свои первые впечатления о французской столице. В первую поездку Ади провёл в Париже неполных 11 месяцев и всё-таки написал более 200 статей и 20 новелл, где отражены события и настроения, свидетелем которых он явился. Расширение кругозора, определение венгерских общественных проблем и поэтических мыслей в мировом масштабе, знакомство с новыми течениями в политике и искусстве — вот только некоторые важнейшие результаты его парижского пребывания. Наряду с этим формируются и следующие впечатления: антиклерикализм Анатоля Франса, антимилитаризм Жана Жорэ, поэтическая школа Бодлера, глубина мышления Родена, ошеломляющие известия о русско-японской войне.

Возвратившись из Парижа и работающий в Будапеште журналистом, Ади ещё более критически оценивает сложившееся в стране положение. Русская революция 1905 года и усилившееся под её влиянием венгерское рабочее движение ещё более повысили уровень его политического сознания. Не случайно, что сборник стихотворений в 1906 году под названием «Новые стихотворения» свидетельствует об авторе как о зрелом, обладающем самостоятельным голосом поэте. Этот сборник явился поворотным камнем в истории венгерской поэзии.

Символика Ади, которая в первые проявилась здесь со всей своей новизной, явилась не декадентством, уходом от действительности поэтической личности, потерявшей опору и веру в жизнь, а программой, поэтическим воплощением осознанных явлений. «Венгерская борозда» отображает провинциализм, пустошь алфёлда. Пустошь алфёлда не изображается Ади с точки зрения её природной красоты, её бескрайние дали не являются символом свободы, а однажды обработанная, принесящая свои плоды, но теперь запущенная земля предупреждает о внутренних проблемах страны в целом. В качестве другого примера можно привести вызывающее отвращение описание «важного господина с головой свиньи», символизирующего растлевающую власть денег. Любовь к Леде является также бунтом в сфере личной жизни.

Сборник «Новые стихотворения» повлёк за собой разделение общественного мнения. С одной стороны он привлёк к поэту новых друзей и единомышленников, а с другой выявил врагов, эстетических противников, которые хотели видеть в литературе продолжение

традиций XIX века и отражения события: празднования в 1896 году тысячелетия образования «Милленеумской Венгрии».

В период между 1906—1914 гг. ежегодно издавался новый сборник произведений Ади. Среди них один, вышедший в свет в 1910 г., содержал не стихотворения, а новеллы. И в этих новеллах ощущается прежде всего личность Ади как поэта. Новеллы Ади поражают читателя не описанием событий, не анегдотическими изюминками или натуралистическими изображениями окружающей среды, а психологическими наблюдениями, поэтически отображенными в прозе, и лаконичным поэтическим стилем. Перо публициста тоже не знало отдыха в этот период: его статьи, наброски составляют объёмистый том.

Но Ади был прежде всего поэтом. И в его последующих поэтических сборниках отображено его личное мировоззрение, которое содержит не только полную характеристику данной эпохи. В этих сборниках Ади своим лирическим словом с большой силой изображает впервые в венгерской поэзии чувства борющихся людей современного XX века. И в этом он является примером по сегодняшний день. Его патриотизм, человечность, осуждение бога имеют место в его произведениях. В арсенале его стихотворений, в образцовом единстве содержания и лирической формы можно проследить продолжение многовековых традиций венгерской поэзии. Это было сделано им также естественно, как и его великими современниками Белой Бартоком и Золтаном Кодаем, которые обработали венгерскую народную музыку. Как это не раз случалось в мировой литературе, поэт-предсказатель выражает библейскими словами свою божью одиночества, изгнания из общества, физического насилия. Своих братьев по духу он искал среди участников рабочего движения, руководимого социал-демократами и численно малой, но идейно богатой группы радикальной буржуазии. Ему импонировали идеи аграрно-социалистических организаций. Несмотря на то, что Ади был типично городским человеком, от его кругозора никогда не ускользали аграрные проблемы страны. Он часто навещал своё родное село Эрминдсент и свою семью. Впечатления от возвращения в родные места, воспоминание о детских и юношеских годах находило отражение в его новых лирических стихотворениях. Но эти недели и месяцы не являлись ностальгией, а были периодом отдыха и концентрации новых сил. Обобщая виденное на родной земле, поэт в своих стихотворениях вновь говорит о проблемах безземельных крестьян, составляющих большинство населения, описывая крестьянские восстания XVI-XVIII веков, он создаёт новую революционную поэзию.

В январе 1908 года в Будапеште появляется новый литературный

журнал, который уже и своим названием «Ньюгат» («Запад»), а тем более составом литературных сотрудников и их мировоззрением выражал своё стремление к распространению лучших литературных направлений, знакомству читателей с широким кругом произведений от Меттерлинка до футуристов и от Марка Твена до Толстого. Журнал не ограничивался литературными проблемами. Свидетельством этому является тот факт, что он печатал материалы о Дебюсси, Пуччини, Рихарде Штраусе, исполнительском мастерстве Пабло Казальса и Рахманинова, танцевальном искусстве Нежинского и Фокина. Сотрудники журнала считали своей важной задачей отражение прогрессивной общественной роли венгерской литературы в отличие от официальных литературных форумов. Правда, имя Ади появляется на титульной стороне журнала только с 1910 г. Но до этого его деятельность, имя, стихотворения спланивали наиболее талантливых венгерских поэтов вокруг этого журнала. И Ади определил историческое значение деятельности литературной группы журнала «Ньюгат», которое выражалось в следующем: «Новая, проклятая (к тому же не действующая по политической программе) венгерская литература является буревестником запоздалого, но скоро станущего явью социалистического преобразования Венгрии». Это не первый случай, когда подобным образом складывалась судьба венгерской истории. Так это было и в XVIII—XIX веках, когда литературное слово опередило политические действия. Ади и здесь шёл по пути великих венгерских и европейских предшественников.

Поколения поэтов и большой круг читателей поддерживали Эндре Ади. Количество читателей росло с распространением журнала «Ньюгат» и с проведением литературных вечеров с участием Ади. В это время много сторонников Ади было и среди венгерского рабочего класса благодаря прежде всего публикации его стихотворений, статей и новелл на страницах газеты «Непсава» («Народное слово»), центрального органа венгерской социал-демократической партии. В это же время поэзия Ади перешла языковые барьеры по венгерской инициативе и с помощью его друзей. Его имя и талант упоминается Анатодем Франсом, Рильке и Гофманншталем. В 1911 г. Ади пишет о себе следующее: «О своих стихотворениях, о самых дорогих моих вещах я говорить не могу. Некоторые из них переведены на английский, французский, итальянский, немецкий, датский, румынский, голландский, сербский, армянский, более того, на еврейский и эсперанто языки». Дальнейшему распространению его творчества в Европе воспрепятствовала I-я мировая война, поэтому его литературные переводы появились только в последние десятилетия.

В начале 1910-х годов, как в поэзии, так и в прозе, Ади изоб-

ражает демократическую революцию, свершающуюся при союзе города и деревни, предвестником которой была невиданных ранее масштабов демонстрация в мае 1912 г. в Будапеште. Но вместо революционного подъёма свершилось обратное: спад рабочего движения. А в это время в непосредственной близости от Венгрии в локальных войнах на Балканах разгорался мировой пожар. Временные поражения прогрессивного движения осложнились ещё и личными проблемами Ади: ухудшение состояния здоровья, большая перегрузка в работе и неразделённое в течение 9 лет чувство к любимой женщине. Несмотря на всё это нельзя говорить о кризисе и переломе в его поэзии: возрастные комплексы срастующего мужчины, его стремление к любви неизменно соединяются с его чувством ответственности за венгерскую поэзию (фото 4).

После многих лет переписки весной 1914 года Эндре Ади познакомился с Бертой Бонца, которую называет в своих стихах Чинска. Отец двадцатилетней девушки, надменный феодал, депутат парламента, и слышать не хотел о браке; обручённые, не обращая внимания на препятствия, вступили в брак в марте 1915 года в Будапеште. Счастливая женитьба Ади совпала с кровополитием первой мировой войны. В первые месяцы войны милитаристский психоз достиг своей высшей точки во всей Европе. Руководители социал-демократических партий, признающие интернационализм, и писатели, воспевающие наднациональный дух, стояли по обе стороны фронта и вносили сумятицу в ряды солдат, защищающих отечество. Подавляющее число венгерских писателей, в том числе и сотрудники журнала «Ньюгат», выступали в защиту войны. Иначе поступил Ади, который в своём стихотворении оплакивал мученика мира Жана Жорэ, и кто не отказался от своих принципов, более того, отстаивал своё мнение о единстве придунайских и всех европейских народов в целом. Тем самым он опередил действия Циммервальдской конференции, пытавшейся предотвратить военные действия. В то время, когда под влиянием военной цензуры журналы и газеты пытались предугадать кажущийся близким день победы, Ади в январе 1915 г. пишет о безымянных жертвах и называл одновременно хорошо известных чешского и венгерского фабрикантов, производящих оружие: «Во мне болит сердце того серба, который поражён пулей Шкоды или Манфреда Вайса».

Дом жены поэта в трансильванской деревне Чуч явился приютом для Ади, состояние здоровья которого всё ухудшалось, а супружеская жизнь стала для него опорой в период, когда он мог остаться «человеком в бесчеловечии». Естественно, что война не могла быть исключена из его жизни. Эшелоны солдат, проходящие на восток

мимо его чуческого дома, два призыва в армию и бесконечное ожидание постоянно травмировали нервную систему больного поэта. Уже после первых боёв он носил траур по своим друзьям, нападки консерваторов были направлены прежде всего против него, возглавляющего группу писателей-антимилитаристов, постепенно постигающих реальные события.

В годы войны литературная деятельность Ади претерпела спад по понятным причинам, и только после 4-х-летнего перерыва, в начале 1918 года появляется его новый сборник под характерным для поэта многозначительным заглавием: «В авангарде мёртвых». Это был его последний одиннадцатый сборник, за который Ади при жизни получил признание критиков как классика. Военная лира Ади была не только апокалипсисом, предвестником национальных катастроф, но и искусством, которое чистотой принципов стремилось отстоять созданные человечеством духовные ценности, основной идеей которого был символ Жизни. В его искусстве концентрируется убежденность предсказателя, основанная на анализе кровопролитных событий венгерской истории.

Осенью 1918 г. под влиянием мощных военных действий и под давлением внутренних общественных сил распалась многонациональная Австро-Венгерская монархия. Путём больших жертв, пережив буржуазно-демократическую революцию, Венгрия вновь обрела государственную самостоятельность. Этот день является символичным для биографии Ади, это день его последнего публичного появления: 16 ноября 1918 г. Ади был в парламенте, когда была провозглашена Венгерская Народная Республика. Почётная делегация Национального Совета, руководящего органа революции, встретила тяжело больного поэта, который скончался вскоре после этого 27 января 1919 года в Будапеште. По улицам венгерской столицы шли многотысячные революционно настроенные массы, провожая в последний путь признанного своим поэта.

Ференц Керени

ПОЭТ ХОРТОБАДИ

Он паренек из рода кунов.
Огромными глазами глядя
На мир мучительных соблазнов.
Он гнал стада по знаменитой
Венгерской степи Хортобади.

Ему окутывали душу
Разнообразные миражи,
А вырастал цветок из сердца —
Набрасывался скот двуногий
И пожирал его тотчас же.

Юнец, мечтал о чудесах он,
О женщине, вине и смерти
Он размышлял, бродя по травам,
Певцом бы стал он вдохновенным
В другом, ином краю на свете.

Но, видя рубища пастушьи
И это шествие коровье,
Он схоронить старался песню
И дальше брел по Хортобади,
Свистя кнутом и сквернословя!

1906

Перевод Л. Мартынова

ОСЕНЬ ПРОКРАЛАСЬ В ПАРИЖ

Осень в Париж на бульвар Сен-Мишель
Тихо прокралась вчера и со мною
Встретилась там, под густою листвою,
Тихой от зноя.

Шел я на Сену тогда, и в душе
Вспыхнули вдруг хворостиночки песни —
Дымные пурпурные огоньки,
Смерти предвестье.

Осень настигла. И вздрогнул бульвар.
Осени губы мне что-то шепнули.
Пестрые листики-шутники
С веток спорхнули.

... Лето очнулось. И в этот же миг
Осень, смеясь, из Парижа бежала.
Все это понял лишь я, да листва
Чуть задрожала.

1907

Перевод Л. Мартинова

ДАЙ МНЕ ТВОИ ГЛАЗА ...

Дай мне твои глаза,
Чтоб мог я в них зарыться
Стареющим лицом и юный отразиться.

Дай мне твои глаза,
Наполни синим взором,
Щадить и украшать умеешь ты которым!

Дай мне твои глаза!
Казнят и ненавидят
И все-таки они меня красивым видят.

Дай мне твои глаза,
Ведь в них себя люблю я!
Отдай твои глаза, я к ним тебя ревную!

1907

Перевод Л. Мартынова

ОТ ЭРА ДО ОКЕАНА

Эр, сонный, странный, медленный поток,
Сочится сквозь камыш, осоку и болотца,
Но через Самош, Красну, Тиссу и Дунай
До моря пена эрская несется.

Пусть небо скифское обрушится на голову мою,
Пусть сто проклятий в кровь мою вольются через рану.
Пусть тысячи кротов воздвигнут сеть плотин, —
Я все-таки достигну Океана!

Хочу достигнуть! В том и волшебство,
Что кто-то, скорбною отвагой обуянный,
От Эра путь свой начал для того,
Чтоб слиться со святым величьем Океана!

1907

Перевод Л. Мартынова

ПЕСНЬ ВЕНГЕРСКОГО ЯКОБИНЦА

Сочится кровь из наших пальцев,
Когда коснемся мы тебя.
С тобой мертвы мы или живы,
О Венгрия, страна моя?

Глаза болят у нас и души.
Дождемся ль, наконец, времен,
Чтоб Вавилон рабов-народов
Был для свободы пробужден!

Пора желаньям нашим спящим
Стать волей твердой, словно сталь,
Печаль славян, румын и венгров —
Всегда единая печаль.

Ведь родственны в тысячелетях
Позор и горести людей.
Пора бы встретиться, ликуя,
На гребнях баррикад идей!

Один и Олта и Дуная
Глухой и мертвый разговор.
И горе тем в стране Арпада,
Кто не насильник и не вор.

Когда же мы объединимся,
Чтоб величавый дать ответ?
Мы, угнетенные народы,
Воспрянем снова или нет?

Доколь мерзавцам быть у власти,
А нам, как трусам, их терпеть?
Доколь, народ венгерский, в клетке
Тебе скворцом скакать и петь?

О Венгрия, край скорбных нищих.
Нет веры в нем, нет хлеба в нем.
Но ты, Грядущее, за нами,
Когда решимся и дерзнем!

1908

Перевод Л. Мартынова

ЗИМНЯЯ ВЕНГРИЯ

Мчится поезд по земле родной,
Где в снегах застыли хутора,
Спят они сегодня, как вчера,
Под покровом темноты ночной.

Вся равнина горестно молчит,
Только зимний ветер-снеговой
Сновиденья навевает ей,
Только он один над ней шумит.

Что ей снится? Может быть, уже
Нет и снов? Вот еду я домой, —
Я все тот же - деревенский, свой,
Но снега и у меня в душе.

И сдаётся мне — среди снегов —
Может, мы мертвы, погребены,
И для нас остались только сны -
Для меня и этих хуторов?

1908

перевод М. Исаковского

НА ГРАФСКОМ ГУМНЕ

В летнюю ночь на гумне у графа
Досок раздался треск.
Скирд городище пламенем яростным
Вскинулось до небес.

С чем он сравнится — что ему солнце!
Это рассвет ночной?
Скачет, мчится по лугу сметенному
Жита трепетный зной.

Нищий батрак тяжело проснулся,
Тявкнул пес, открыл глаз.
Вся окрестность в бреду солдогоается . . .
. . . Граф пирует сейчас.

Завылает обугленный колос,
Корчится он, дразня:
Пахарь венгерский, брюхо урчащее,
Что тебе до меня!

Что ты скорбишь за горящее жито?
Не для тебя оно!
Граф не заплачет — останутся графу
Девушки, деньги, вино.

Снова зима на тебе истреплет
Эти клочья тряпья.
Она сурова — земля венгерская,
Графская, не твоя.

... И все же, утром на пепелище,
Там, где лег уголек к угольку,
Целая армия нищих
Плачет на глафском току.

Не свое оплакивают — чужое,
Где-то пирует граф!
Но чувствуют смутно: их хлеб, их несчастье,
Их это скорбная явь.

1908

Перевод Л. Мартынова

ЗВЕЗДА ЗВЕЗД

Вовеки не померкнешь ты, Красная звезда!
Давно ушли Венера, и Солнце, и Луна,
И на восточном небе царишь лишь ты одна.

Так никогда не блещет падучая звезда —
Небесных недр причуда, лилова, зелена,
Бледна и синевата, но только не красна.

О, падай, падай, падай, падучая звезда;
Твоим паденьям скорбным — я знаю — счета нет!
Лишь под звездою Красной рождается рассвет!

Владычье, сияя в небе, ты, Красная звезда!
С тех пор как смотрим в небо, ты, Красная звезда,
Была надеждой нашей и будешь ей всегда!

1908

Перевод Л. Мартырова

МОЙ ГРЕХ

Я лишь дарил, дарил, дарил.
И тех, кто брали, брали, брали.
Подарками я разъярил.

Я только жил, и что ни час
Я пел все лучше, все сильнее.
Я грешен тем, что пел для вас!

Лишь в том мой грех, как я пойму.
Что был не хуже вас, а лучше!
Но не стремился я к тому.

Таков удел в моей стране
Всего, что ново и трасиво . . .
К чему родиться было мне!

1908

Перевод Л. Мартырова

СЫН ПРОДЕТАРИЯ

Отец мой день-деньской в работе.
Когда же отдых наконец?
Нет лучше в мире человека
Чем мой отец.

Сам ходит он в пальто потертом,
А мне обновку приберет.
О лучшем будущем никто бы
Так рассказать не мог.

Отец у богачей на службе;
У них он, бедный, как в плену.
Но нам по вечерам приносит
Лишь радость он одну.

Отец мой гордый, благородный,
Он — раб тяжелого труда,
Но он себя не унижает
Перед богатством никогда.

Отец мой скорбный, подневольный,
Когда б не дорожил он мной,
То он покончил бы, пожалуй,
Со всей комедией земной.

Отец мой, если захотел бы,
Исчезли б графы и князья.
Товарищи мои росли бы
Не робкими, как я.

Отец мой страшен для богатых.
Одно словечко он скажи,
Ух, задрожали б их палаты,
Их мраморные этажи.

Отец сильнее всех, быть может,
Он труженик, и он борец.
Король — и тот не так всемогущ,
Как мой отец.

1909

Перевод В. Инбер

ДЕРЕВНЯ В СТРАХЕ

Даже гуляки притихли,
Реже поют молодые.
Слушая молча рассказы,
Старцы вздыхают седые.

В страхе деревня повсюду
Жлет соглядатай постылый.
Тише! В великом молчанье
Зимнее поле застыло.

Но по-весеннему ветер
По-над снегами играет,
Может быть, завтра же, завтра
Все зашумит, засверкает!

1909

Перевод М. Исаковского

НЕСЕМСЯ В РЕВОЛЮЦИЮ

Жандармы-псы на нашу шею
В последний раз сейчас насели.
Все решено! Ликует сила,
Она сегодня в каждом теле.
Эх, дружно вспахан, обработан
Он, полный рабством, кровью, потом,
Простор венгерский, бедный, скорбный . . .
Не медлите с переворотом!

Здесь, чтоб весна не наступила,
Бросали смерть во время сева;
И все же нынче на Дунае
Всего буйнее всходы гнева.
У нас на гибельном рассвете
Сильней, чем где-нибудь на свете —
Как узник, рвущийся к свободе, —
Провидцы жизни, всходы эти!

Куда ни взглянешь — видишь взрыва
Божественное состояние.
Кто жив, тот мечется в тревоге.
А умирает — в ликование.
Горим мы грешным древним жаром;
И всюду над порядком старым
Мы видим: новое восстало,
И ореол его — пожары.

Все сбудется! Судьбу любите —
И поджигателя любите —
Безумца гестского, который
Дрянь как мадьяр и как правитель.
И он — знак времени! Над кучей
Господской Гунни вонючей
Он встал и, чтоб ее обуглить,
Струит в нее состав горючий.

Вонь Вены, спесь аристократов,
И унижение, и жандармы
Смирить нас? Нет такого бога!
Жар в жилах превратим в пожар мы.
Кой-кто еще неузнаваем,
Друг друга мы в лицо не знаем
И путаем. Но пламень мшенья
И очишенья раздуваем!

Еще течет вечерний рокот
И свежие рассветы веют
Там, на проспектах Будапешта ...
А в сельских недрах гневны зреют.
Земля осядет при ударе;
Услышим все, что не слыхали, —
Мадьяров лютое проклятье
И в летнем зное и в пожаре!

Вот он идет в пустыню нашу,
Святой посланец бога, дьявол!
У революции на ложе,
Геройском, брачном и кровавом,
Мы были девственны . . . Очнемся!
Проснулась кровь. Кипит огнем все!
Молчание. Никто не дрогнет.
Мы в Революцию несемся!

1913

Перевод Л. Мартынова

И вновь весна и письменна, и снова
Летит домой душа моя, грелата.
Но не было еще безвременья такого,
И не бывала так она побита,
И не томился мир в такой печали,
И так не гасли искры в кроне ночи!
... Красуйте, письмена мои в песни!
Хочу, чтоб вы веселье излучали
На молодых товарищей! Возвысить
Для них сердца обязаны мы пылче,
Когда приносит солнечная почта
Весть о весне. Пусть старый мир бесится.
А все ж весне не бросим мы молитвы.
Любовь наша безудержна, бескрайна,
И мы для нашей маленькой отчины,
Для родины, что стонет от кошмаров, —
Единственно действительная радость
Боят сердца, но ясны наши лица!

Снаружи пропасть пасть свою разъяла,
Внутри страны — кошмары мглы старинной.
Есть тьма причин, чтоб трусость мертвой пала.
Смерть жрет листву запущенного сада,
И барчуки в нем разоряют гнезда;
Бог продает Христа, пока не поздно,
Весна полна кладбищенского смрада.
Но если даже час настанет судный,
То все равно стоять мы будем твердо,
Как будто мы уверены в победе.
И устоим и отразим удары!
Ведь всех героев древности отважней
Вы, молодые, буйные мадьяры!

Друзья! Как хорошо, какая радость
Сопротивлятся адскому напору
Всех преисподних, потому что надо
Отвоевать свободу и порядок
Для нашей доброй маленькой отчизны,
Когда кругом, кровоточа, несутся
Миры, века, народы—великаны,
Комеблются предания и троны.
Как хорошо осуществить мечтанья
Своей печальной маленькой отчизны,
Когда под пламенным шатром небесным
Кровавые мы видим панорамы.
И миру будто вовсе нету дела,
Что в грязных стойлах Гуннии творится . . .
О юные друзья, в такое время
Душой весны тревога овладела.
Та крепкая весенняя тревог
Священной всех тревог и потрясений!

История растопчет нас, быть может,
Но здесь, внутри, в костер мы побросаем
Старье и гниль — пусть пламень их корежит,
Пусть уничтожит! Пусть все будет пусто!
Нам все равно — здесь хуже быть не может,
Земля-то все-таки не неподвижна!
А если так — наступим, юный, ближний,
На эту глыбу, на венгерский камень
И поклянемся, юный мой товарищ:
Мы все, что есть, заменим новым, лучшим,
А не удастся, так погибнем сами!

1913

Перевод М. Мартынова

В ЮНЫХ СЕРДЦАХ ...

В юных сердцах и всегда вперед!
Хитрые старцы и злые глупцы,
Все вы на жизнь мою вышли в поход.
Знайте: у ней милконы корней!

Быть властелином святых мятежей,
Вер и надежды способен лишь тот,
Кто, обливаясь кровью своею,
По-настоящему жил и любил.

Да, буду жить я и покорять
Именем горестной жизни большой.
Бранью и грязью меня не пронять, —
Я под защитой юных сердец!

Вечная мне суждена весна,
Не нападайте на жизнь мою,
Словно святая гробница она;
Цвету жевому не будет конца.

1918

Перевод Л. Мартынова





A föld földesén kő

Föld földesét kő földedre

[szülvén]

Kicsi országom, újra meg újra,
Közön a föld.

Mesze környékét litogát sorba,
Szabad, ellenséges kővel a sorba,
Közön a kővel.

Minden elvagy a nem menedéket,
Minden ragyoghat, melyet elvagy,
S földesednek megint.

Tied vagd a nagy kővel,
Nagy kővel, nagy kővel,
Szomorúan magyar.

- 1 -

Föld földesét kő, bus kővel,
Kicsi országom földes alattban,
Te orádra itél.

Ez, jay, kővel, mindenka szándék,
Szeged földesét, en vizsgálat,
Szeged is, végül is.

Ady Endre

- 2 -









**PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET**

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
